

«ХОЛОДНАЯ ВОЙНА»: КАК ЭТО БЫЛО И КАК ЗАКОНЧИЛОСЬ

© 2014 г. **В.А. Кременюк***
Институт США и Канады РАН, Москва

В декабре 2014 г. исполняется 25 лет с того времени, как на острове Мальта состоялась очередная встреча лидеров СССР и США – Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачёва и президента США Дж. Буша-старшего. Это была одна из многих встреч советского и американского лидеров, но на ней и тот и другой торжественно объявили о завершении «холодной войны». Событие, безусловно, весьма важное для мировой истории и требующее постоянного переосмысления из-за того огромного влияния, которое этот факт оказал на всю мировую политику.

Ключевые слова: «холодная война», конфликт, гонка вооружений, урегулирование конфликтов, переговоры, соперничество/сотрудничество.

Более 20 лет прошло с тех пор, как закончилась «холодная война» между США и СССР. Официальных совместных деклараций об окончании этой войны не было, и поэтому разные специалисты, каждый по-своему, решают, что же считать её концом. Для многих, включая и автора этой работы, такой точкой отсчёта представляется одна из последних советско-американских встреч на высшем уровне, состоявшаяся в декабре 1989 г. на Мальте, на которой Генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачёв и президент США Дж. Буш-старший в своих выступлениях объявили, что «холодная война» завершена. Отрадно, что и ряд других специалистов, в том числе столь крупных как бывший помощник президента СССР А.С. Черняев, тоже придерживаются такого мнения [8]. Можно с ним согласиться или нет, но остаётся фактом, что, когда лидеры обеих сверхдержав на одной и той же встрече, в одном и том же месте говорят по сути одно и то же, это можно считать их общей совместной позицией. Даже если она при этом в силу разных причин не подтверждена общим официальным документом.

Если бы в те времена оба лидера и их непосредственные помощники подумали о будущем и о том, что хотя бы для истории надо было подписать какой-то формальный документ об окончании «холодной войны», то, наверное, у нынешних историков и политиков было бы меньше трудностей с определением конца этого противостояния. Но по разным причинам они этого не сделали, и отсутствие согласованной даты конца этой войны в чём-то затрудняет задачу идентификации точного срока завершения одного из самых сложных и потен-

* КРЕМЕНЮК Виктор Александрович – член-корреспондент РАН, заместитель директора ИСКРАН.

циально опасных периодов в истории человечества после окончания Второй мировой войны.

В принципе, понять лидеров можно. С одной стороны, почти такой же разноречивой можно встретить в трудах специалистов и в официальных документах относительно того, когда «холодная война» началась. Кто-то считает её началом речь У. Черчилля в Фултоне (штат Миссури) 5 марта 1946 г., в которой содержался призыв противостоять советской экспансии в Европе, хотя к тому времени Черчилль уже не был государственным деятелем, а был весьма популярным и уважаемым, но всё же частным лицом. Кроме того, не мог же иностранец определять для Соединённых Штатов, что им делать с союзником периода Второй мировой войны – СССР!

Кто-то считает точкой отсчёта 4-й пункт послания президента Г. Трумэна Конгрессу (март 1947 г.), в котором была поставлена задача не допустить советской экспансии в Турции и Греции. В силу разных причин в США тогда считалось, что Советский Союз готовил «прыжок» в Восточное Средиземноморье, и поэтому Турция и Греция нуждались в американской защите. Но тогда речь шла всё же об ограниченной по времени и месту акции со стороны Вашингтона, а не об общем повороте отношений союзничества в противоположную сторону. Для большинства экспертов стартовой точкой начала «холодной войны» стал Берлинский кризис 1948 г., сыгравший ключевую роль в расколе Европы после того, как с гитлеровским фашизмом было покончено. Некоторые специалисты даже упоминают «доктрину Трумэна» (февраль 1949 г.) и созданный на основе её положений в апреле 1949 г. блок НАТО. Одним словом, имеются весьма разные оценки сроков начала «холодной войны», и поэтому, видимо, трудно было поставить официальную точку, когда она закончилась.

Другой причиной, о которой можно говорить в связи с неясностью сроков окончания «холодной войны», надо считать то, что не было единства мнений между СССР и США относительно того, как это оформить документально и надо ли это делать. Если следовать требованиям дипломатической традиции, то любая война должна быть завершена «мирным договором», в котором излагаются причины войны, определяются те, кто её развязал, указывается, чем она закончилась, оцениваются масштабы людских и материальных потерь, устанавливается степень ответственности и намечаются тип и характер отношений между противоборствующими странами на будущее. Так закончилась Вторая мировая война, в частности война с Германией (об окончании войны с Японией в связи с советской позицией надо говорить особо); в таком же ключе заканчивались войны во Вьетнаме, Афганистане, в других странах. Была ли возможность следовать этому правилу в случае с завершением «холодной войны» между США и СССР? Возможно, была, хотя и не столь явно выраженная, как в «горячих войнах», но именно на стадии её завершения внутренний кризис в СССР достиг своего апогея, и союз распался. Подписывать «мирный договор», даже если кто-то об этом и думал, было не с кем, а договоры о сотрудничестве Соединённые Штаты уже подписывали с наследниками Советского Союза.

Таким образом, установить время официального завершения «холодной войны» трудно, да и, наверное, необязательно. Особый нужды в этом нет, по-

сколькo многих интересует не столько точная дата её окончания, сколько ответ на вопрос: почему и как она завершилась? Как случилось, что почти сорокалетний период борьбы между двумя великими державами, исполненный драматизма, опасности всеобщего уничтожения, огромных усилий по достижению военного превосходства, завершился ничем? В один прекрасный день лидеры СССР и США пришли к выводу, что соперничать им не в чем (разве что в спорте), что разность идеологий не заслуживает тех жертв, которые были принесены на алтарь «холодной войны»; что совсем не обязательно видеть друг в друге врага и желать его уничтожить только потому, что у другой стороны иные ценности. Открытие, достойное увековечивания в истории человеческого общества, поскольку оно продемонстрировало тот редкий случай, когда в умах лидеров восторжествовал разум, а не амбиции, когда ими руководила человечность, а не животная ненависть. Что и было отмечено Нобелевской премией мира, присуждённой советскому лидеру в 1990 году.

Полностью ответить на все поставленные выше вопросы нелегко, но надо. Нет пока ещё оснований считать, что с завершением «холодной войны» между США и СССР конфронтационность окончательно ушла из сферы отношений между странами и народами, что обладание разрушительным оружием перестало кружить головы политикам, что они согласились отныне жить в мире и дружбе. Не успела закончиться «холодная война», как уже начали определять контуры «столкновения цивилизаций» [13], как вспомнили о так и не завершённом конфликте между богатством и бедностью («Севером» и «Югом»), как появились новые «палладины» насилия и борьбы за «чистоту». Но важно, что всё это теперь происходит на фоне свершившегося факта окончания «холодной войны» между США и СССР и, нравится это кому-то или нет, но приходится каждый раз, когда появляется желание посоперничать, вспоминать закончившуюся ничем взаимную ненависть русских и американцев, выброшенные на ветер сотни миллиардов военных расходов, опасность международных кризисов и отвечать на серьёзные вопросы типа: «а зачем всё это нужно?», когда очередные вожди зовут на борьбу за очередное «правое дело».

Смысл мирного завершения «холодной войны» в том, что великие державы по своей воле освободили сферу международных отношений от наносов злобы, подозрительности и недоверия. Не до конца, конечно, потому что слишком сильна инерция конфликтной составляющей в природе человеческого общества в целом и в международных отношениях в частности. Говорить о начале «новой эры» было бы, наверное, преждевременно, но всё же что случилось, то случилось: опасность ядерной войны и взаимного уничтожения стран европейской культуры была устранена ими же самими, хотя сценарий их самоуничтожения имел все шансы на успех. Ведь довели же культурные европейцы свои страны почти до полного краха в XX веке в ходе двух мировых войн. В этом отношении смысл происшедшего, обоснование хоть сколько-нибудь глубоких выводов из периода «холодной войны», размышления о возможных контурах перспектив – всё это требует анализа причин того, почему и как такое случилось между СССР и США, а также каковы общие закономерности их несостоявшегося конфликта и что из советско-американского опыта могли бы извлечь для себя другие страны. Этого же требует и наука о международных отношениях.

«Холодная война» как форма конфликта

Для начала надо бы разобраться в терминологии. «Холодная война», безусловно, – одна из форм враждебности и соперничества в международных отношениях. Но и то и другое является традиционным для этих отношений и сопровождает их историю с момента появления государств. Насколько позволяет судить история человеческого общества, одним из мощнейших стимулов образования государств всегда была необходимость защищать территорию расселения своего народа и противостоять угрозам со стороны воинственных соседей [9]. А это, естественно, порождало враждебность и недоверие как одну из первооснов внешней политики. Но в то же время это не означает, что отношения такого типа можно всегда называть «холодной войной».

Есть историки, в том числе и российские, готовые объявить любой конфликт, любое столкновение «холодной войной». В частности, в этом отношении можно вспомнить книгу российского историка А.И. Уткина, в которой бирка «холодной войны» навешена чуть ли не на все проявления враждебности и столкновения между СССР и странами Запада, в том числе накануне и во время Второй мировой войны, до и после того, как «холодная война» состоялась [6]. Суждения такого рода, как правило, представляют собой больше карикатуру на историю отношений между СССР и странами Запада, чем стремление квалифицированно разобраться в том, что же произошло на самом деле. «Холодная война», как она случилась в 1940–1980-х годах между СССР и США, представляет собой весьма специфическую форму международного конфликта, в котором взаимодействовали факторы идеологической борьбы, политического и дипломатического соперничества, поддержанного угрозой применения силы, но при этом так и не перешедшего грань, отделяющую соперничество от военного столкновения, споры – от насилия. Это важно понимать, потому что разного рода столкновения на международной арене, независимо от того, происходят они между однотипными или разнотипными странами, конечно же, ещё далеко не «холодная война».

Для лучшего понимания совсем недавней истории советско-американских отношений надо как можно более точно определить то, что между ними происходило. Происходил же весьма сложный и нетипичный процесс сочетания элементов вражды и соперничества с не менее важными и определяющими элементами сотрудничества, в котором обе сверхдержавы помогали друг другу построить и сохранить определённый мировой порядок, а остальным странам – выжить в условиях острого соперничества и вражды. В 1991 г. издательство «Макмиллан» (Великобритания) опубликовало коллективную работу группы специалистов в области международных отношений, в том числе американских и советских, под названием «Холодная война как сотрудничество: взаимодействие сверхдержав в региональных конфликтах» [15]. Авторы монографии впервые в науке о международных отношениях поставили вопрос о «холодной войне» не как о специфической форме соперничества (об этом к тому времени уже были написаны десятки и сотни томов), а как об определённой форме сотрудничества, при котором обе стороны в силу разных причин, в основном под влиянием угрозы возмездия, но также и в силу доводов

разума придерживались неких правил поведения, исключавших прямое использование военной силы друг против друга.

С тем чтобы понять, почему они так действовали, какой логике следовали, необходимо обратиться к истокам теоретической мысли по поводу конфликта, активно разрабатывавшейся в США в годы «холодной войны». Эти мысли могут облегчить понимание сути конфликта в «холодной войне» скорее, чем традиционная формула Клаузевица («война есть продолжение политики иными средствами») или марксистско-ленинские положения о войнах. В данном случае теория может помочь разобраться, что за тип конфликта получил название «холодная война» и как он существовал в умах политиков и лиц, принимавших решения, а это и есть самое главное.

Факты «холодной войны» известны давно всем интересующимся, а вот что при этом думали и как действовали те, кто принимал решения, ещё долго будет оставаться загадкой. И не столько потому, что это – тайна за семью печатями, сколько потому, что мысли и действия лиц, находящихся под психологическим прессом «холодной войны», далеко не всегда можно понять и объяснить по-человечески в терминах здравого смысла. Обстановка опасности, неопределённость поступков другой стороны, высокая степень риска и всегда дефицит времени создавали атмосферу, при которой нормальная повседневная логика почти не работала, а вместо неё возникала иная, часто подсказанная либо инстинктом (и тогда конфликт развивался по «наихудшему сценарию»), либо, наоборот, добрыми чувствами (и тогда, естественно, конфликт эволюционировал в сторону успокоения).

Первый и наиболее крупный исследователь поведения в конфликте профессор Т. Шеллинг (США), ныне лауреат Нобелевской премии в области экономики, разработал и описал принципы поведения сторон в конфликте ещё в конце 1950-х годов. В 1960 г. в издательстве Гарвардского университета вышла его книга «Стратегия в конфликте», в которой он остановился на некоторых малоисследованных вопросах поведения в условиях конфликта [20]. Для начала он провёл анализ доминирующих типов конфликтов с точки зрения интересов и традиционного восприятия их участников. Здесь он выделил два основных типа: антагонистический конфликт, война на уничтожение, в которой выигрыш одной стороны точно равен проигрышу другой (в математике – «игра с нулевой суммой»), и, с другой стороны – конфликт со смешанными мотивами (соперничество – сотрудничество), в котором участники противостоят друг другу и противоборствуют, но при этом придерживаются определённых правил поведения, представляющих собой альтернативу иррациональному поведению («игра с ненулевой суммой»).

Для Шеллинга было не столь важно, из-за чего возникает конфликт, какова его политическая природа, насколько он важен для участников. Он видел и понимал, что в зависимости от предмета конфликта (судьба страны и её строя, судьба населения, городов, культуры и тому подобных ценностей) и его ожесточённости может появиться состояние ума, при котором участники не задумываются над тем, что будет потом. Им важнее немедленно уничтожить врага, даже ценой безумного риска. И довольно часто этим болеют целые политические системы.

Далее. В зависимости от характера конфликта и поведения его участников Т. Шеллинг определил два типа их стратегий: борьба до последнего («игра в слабака»), в которой участники стремятся, прежде всего, уничтожить друг друга, не ставя перед собой задачи выживания, и борьба, при которой оба участника хотят избежать самоуничтожения и поэтому ведут себя осмотрительно, не провоцируя друг друга на «спазматический» образ действий, по терминологии другого американского теоретика конфликта, Г. Кана [14]. Эта стратегия получила название «дилемма заключённого». В отличие от «игры в слабака», «дилемма заключённого» уже подразумевала какой-то выбор между борьбой без правил и борьбой, в которой соблюдались определённые нормы, позволявшие избежать крайностей и продолжать сопротивление хотя бы до более подходящих времён (например, до появления какого-либо «чудо-оружия»).

Значение разработок поведения в конфликте в трудах Т. Шеллинга трудно переоценить. Дело, конечно, не в том, что, прочитав книгу Шеллинга, политики и военные вдруг осознали, что их поведение было во многом иррациональным. В США, как и в большинстве других стран, те, кто принимает решения, редко заглядывают в книги (единственным исключением в этом смысле, пожалуй, можно считать китайских руководителей, старательно изучавших в школьные и студенческие годы труды древних классиков, особенно Лао Цзы). Решения в разумных системах принимаются, как правило, на основе анализа имеющейся информации и общей установки на победу; в нерациональных системах решения диктует религия или идеология, поскольку и та и другая претендуют на статус «высшего разума». Т. Шеллинг нашёл доходчивые и яркие описания состояния конфликта с привлечением математического анализа не слишком высокой сложности, который позволил политикам и учёным из области общественных наук увидеть проблему поведения в конфликте по-другому – необходимость выбора рационального решения в целях эффективного управления конфликтом (в том числе и возможной победы). Управление конфликтом – вот, что стало ключевым понятием его теории.

С этой точки зрения, конфликты первого типа («с нулевой суммой») вызывали сильное чувство опасения, поскольку в них сопоставлялись две величины: возможный выигрыш (разгром противника) и его цена (причинение неприемлемого ущерба своей стране). Это ставило под сомнение возможность контролировать ход событий. Как следствие, в реальной политике Соединённых Штатов мысли об уничтожении Советского Союза стали сопровождаться ещё более тщательным анализом возможных последствий ответного удара, что во многом содействовало усилению гибкости и даже реалистичности военно-политического мышления.

Здесь надо выделить два этапа. Первый отличался тем, что с конца 1940-х и практически до конца 1950-х годов советские вооружённые силы не располагали возможностью нанести массированный удар по американской территории, что могло бы сыграть роль «убедительного сдерживания». Может быть, отдельные стратегические бомбардировщики СССР и могли в случае войны достичь территории США, но путь им преграждала мощная система ПВО НОРАД (*NORAD North American Aerospace Defense Command* – Объединённое командование воздушно-космической обороны североамериканского континента. – *Ред.*) По-

этому в качестве средства устрашения США Советским Союзом использовалась группировка советских войск в Европе, которая была способна нанести удар по европейским союзникам США и развернутым на их территории американским войскам. Совсем иная ситуация складывалась в военно-стратегических отношениях, когда СССР разработал и поставил на вооружение межконтинентальные средства доставки ядерного оружия. На поведение США это оказало значительное отрезвляющее воздействие. На фоне этой проблемы и её реальных аспектов и состоялся в 1962 г. Карибский кризис.

Конфликты второго типа («игра с ненулевой суммой») начали вызывать значительно больший интерес, так как позволяли по-разному сочетать военные и невоенные способы борьбы и, пока терпела экономика и продолжалась поддержка со стороны населения, планировать значительно более гибкую и менее опасную для США стратегию действий. Во многом под влиянием идей Т. Шеллинга, которые сочетались с изменениями в стратегической обстановке в мире, начало меняться и военно-политическое мышление в США: от теории одной «большой» войны, в которой ставка делалась на «окончательную победу», до различного рода «малых войн» и «гибких» контрдействий, среди которых угроза массового применения стратегических сил отодвигалась на последнее место. В последующем автор «Стратегии в конфликте» вошёл в состав научных советов практически всех внешнеполитических ведомств: Госдепартамента, Министерства обороны, ЦРУ, Совета национальной безопасности, где решались вопросы применения силы.

Тему поведения в конфликтах со смешанными мотивами (соперничество – сотрудничество) развивали и другие американские теоретики. Поскольку после появления у СССР ядерного оружия и средств его доставки до Америки появилось общее мнение внушительного большинства и в науке, и в политике о том, что угроза ядерного конфликта для США нежелательна. Теоретически о возможности прямого столкновения сил всё ещё писали только отдельные «радикально мыслящие» специалисты, типа упомянутого Г. Кана.

Различия в теоретических подходах к проблемам конфликта с СССР поразительно точно отражали реальность. В целом политику и стратегию США в отношении Советского Союза в период «холодной войны» именовали политикой «сдерживания». Речь шла о совокупности мероприятий самого разного толка – военных приготовлений, дипломатических действий, пропагандистской войны и т.п., которые должны были ограничить внешнеполитическую активность советского руководства во всемирном масштабе. Понятие «сдерживание» в качестве характеристики политики США на этом направлении предложил крупный специалист по России, бывший советником-посланником посольства США в СССР в 1945–1947 гг. Джордж Кеннан [3], а в официальную стратегию это понятие вошло уже при государственном секретаре Дине Ачесоне в 1948–1949 гг. [10].

Однако дело в том, что существующий в русскоязычном дипломатическом словаре термин «сдерживание», на самом деле описывает совершенно другую стратегию. Когда Дж. Кеннан говорил о «сдерживании» советской экспансии, он имел в виду целый комплекс соображений. В 1944 г. советские войска, освобождая свою территорию, вышли на линию государственной границы СССР 1941 г., и встал вопрос о том, каким будет дальнейшее поведение Москвы. Учитывая

огромные потери советского народа в 1941–1944 гг., вполне резонно было ожидать, что И.В. Сталин примет решение остановиться на этом рубеже, чтобы дать войскам передышку после трёх лет войны. Некоторые западные политики не исключали и возможности каких-то переговоров между СССР и Германией (в памяти всё ещё был «пакт Молотова – Риббентропа»). Напрягаться далее, учитывая весьма непростые отношений СССР со странами Восточной Европы до Второй мировой войны, Москва могла посчитать весьма нерациональным. И тогда вся тяжесть войны легла бы на плечи западных союзников. Этот вариант рассматривался в Вашингтоне ещё в 1942 г., и именно он подсказал Ф.Д. Рузвельту мысль о внесении в Декларацию союзников (США и Великобритании) о целях войны, принятую на конференции в Касабланке в январе 1943 г., пункт о безоговорочной капитуляции гитлеровского режима в качестве одной из главных задач. К декларации присоединился и Советский Союз. Таким образом, выход из войны кого-либо из союзников мог рассматриваться как враждебный акт (на Западе всё ещё помнили о Брестском мире 1918 г.).

Поэтому в Вашингтоне и Лондоне с облегчением восприняли известие о том, что Советский Союз летом 1944 г. продолжил боевые действия на территориях восточноевропейских стран. Стоимость этих действий, оцениваемая в человеческих жертвах, по-прежнему была высока: только при освобождении Польши погибло более 400 тысяч советских солдат, а в целом в боевых действиях в Восточной и Центральной Европе их погибло более миллиона. Поэтому президенту Рузвельту не надо было долго объяснять, что, неся такие потери, Советский Союз имел все права на то, чтобы обеспечить свою безопасность в Европе после разгрома фашизма, установив контроль над Польшей, Чехословакией, Венгрией, Югославией, Румынией и Болгарией. И, судя по итогам союзнических конференций в Ялте (февраль 1945 г.) и Потсдаме (июль – август 1945 г.), это понимание существовало.

Но совсем другое дело, каким образом собирался Советский Союз контролировать ситуацию. Между советской территорией и советскими войсками в Германии, размещавшимися там по межсоюзническим соглашениям, как раз и находились страны, в первую очередь Польша, в которых антирусские настроения были весьма сильны. Можно было просто разместить там свои войска и охранять коммуникации, но это потребовало бы от СССР слишком больших жертв и затрат. Другой вариант, более подходящий для советской стороны, состоял в том, чтобы содействовать приходу к власти в странах Восточной Европы дружественных коммунистических правительств. Тем более, что это отвечало теории «мировой революции», о которой в Кремле никогда не забывали. Вот это уже вызвало единодушную отрицательную реакцию в странах Запада, потому что действия Советского Союза, с их точки зрения, переходили из разряда легитимной защиты собственной безопасности в категорию незаконного вмешательства во внутренние дела суверенных стран и реализации планов по распространению мировой революции. Противоречия между СССР и странами Запада образовали тогда разделительную линию острого дипломатического противоборства внутри антигитлеровской коалиции.

Позиция Дж. Кеннана, изложенная сначала в меморандуме, направленном в Госдепартамент в 1947 г., а затем для усиления эффекта в виде статьи в

журнал «Форин афферс» (за подписью «X»), сыграла определённую роль [22]. В качестве средства воздействия на руководство СССР Дж. Кеннан предложил концепцию «сдерживания» (*containment*), которая, конечно же, означала отход от политики союзничества времён войны, но оставляла за советской стороной возможность выбора: либо поведение, рассматриваемое в США как неприемлемое, и, как результат, столкновение интересов, либо учёт озабоченностей США и полюбовные решения важнейших проблем. Если определять содержание политики «сдерживания» в том виде, как её предлагал Дж. Кеннан, в терминах теории конфликтного поведения Т. Шеллинга, то это – очевидный случай конфликта со смешанными мотивами. Возможно, если бы эта концепция была избрана в качестве основы политики в отношении СССР в конце 1940-х годов, до «холодной войны» дело бы и не дошло.

Но, как сетовал позднее Дж. Кеннан [16], президент Г. Трумэн и его кабинет, в частности государственный секретарь Д. Ачесон, восприняли идеи сдерживания совсем в ином смысле – как «сдерживание путём угрозы» (*deterrence*), как ставку на устрашение, что безусловно вызвало негативную реакцию в СССР. Понятно, что создание атомной бомбы в США и её эффективное применение в Японии вскружили головы вашингтонским политикам, и им захотелось тут же продемонстрировать «твёрдость». Но со страной, вынесшей на своих плечах всю тяжесть военного разгрома фашизма и войска которой только-только взяли штурмом Берлин, таким языком говорить не следовало. Никакая бомба не могла настолько запугать советского руководителя, чтобы он согласился на предложенный Г. Трумэном тон отношений. Начало «холодной войне» было положено.

Таким образом, два типа стратегий, о которых писал Т. Шеллинг, олицетворяли собой два типа политики «сдерживания» или противодействия со стороны США интересам Советского Союза. Только последовательность в реальной политике была изменена: то, что предлагал Дж. Кеннан в своих работах в конце 1940-х годов, выглядело как конфликт со смешанными мотивами, а затем то, на чём остановился президент Г. Трумэн и продолжил президент Д. Эйзенхауэр (1952–1960 гг.), выглядело как антагонистический конфликт (стратегия «массированного возмездия», господствовавшая во внешней политике США в 1952–1958 гг.). И только какое-то время спустя, когда в результате усилий советской стороны в области стратегических отношений наступило приблизительное равновесие, т.е. в 1960-е годы, обе державы вернулись к правилам «игры с ненулевой суммой». И произошло это уже после Карибского кризиса 1962 года.

Развитие и уточнение знаний о поведении в конфликте со смешанными мотивами пошло по линии дальнейшей детализации и определения наиболее оптимальных способов сочетания элементов соперничества и сотрудничества. В частности, в работе американского психолога русского происхождения А. Рапопорта «Драки, игры и дебаты» (1960 г.) были выделены три типа конфликтных ситуаций, различающиеся степенью сочетания в них элементов соперничества и согласия на сотрудничество: «**драки**» (в которых возможны различные грубые методы поведения, но не доходящие до применения оружия), «**игры**» (в которых соперничество ограничено строгим соблюдением оп-

ределённых правил поведения) и **«дебаты»** (в которых соперничают умы и знания, а не грубая сила) [19].

Книга А. Рапопорта не вызвала такой же активной реакции практиков, как работа Т. Шеллинга, но её значение от этого не меньше. Оно состоит в том, что оригинальную идею Шеллинга о «смешанных» мотивах поведения в конфликте она как бы «посадила» на более практическое понимание того, куда должна вести стратегия, а именно к своеобразной упорядоченности действий, в которой для достижения победы нужно стремиться разумно сочетать «кнуфы» и «пряники». Работа Рапопорта вышла в свет в весьма важный для США период. После Карибского кризиса 1962 г., в ходе которого обе сверхдержавы максимально приблизились к возможности большой войны, обе предпочли отступить и не дать страстям пережелезнить через порог разумного. В этой связи у многих американцев (как, наверное, и у советских людей, хотя история об этом умалчивает) появились естественные вопросы: «Если это оружие применить нельзя, то зачем оно нужно вообще?». Однако на том этапе такой, в сущности, понятный скепсис ещё не определял политику. Считалось, что даже в таких условиях можно было найти способ заставить противника отступить и согласиться на поражение, хотя бы временно.

Тех, кто был близок к процессу разработки и принятия решений, А. Рапопорт успокаивал, открывая перспективу, при которой с помощью оружия можно было навязать другой стороне определённые правила поведения, позволяющие использовать в качестве важного ресурса то, чего в США было в избытке: энергию частного предпринимательства, свободную научную мысль, привлекательность демократических свобод и многие другие элементы силы, которых у советского руководства не было и в помине. Речь идёт о том комплексе средств и методов политики, который уже после окончания «холодной войны» стал именоваться «мягкой силой» [18]. Безусловно, это усложняло процесс выработки политики и угрожало позициям тех в политических и административных кругах США, кто не был готов к решению задач более адекватными способами. Это провоцировало их на злобную истеричную реакцию, типа убийства президента Дж. Кеннеди в 1963 г. или его брата Роберта в 1968 году.

Вообще, весь период середины 1960-х годов, когда вопросы применения силы особо остро дебатировались в США, в научной литературе изучен плохо [5]. Карибский кризис достаточно ясно дал понять, что игра в запугивание («сдерживание путём угрозы») имеет свои пределы и проблем соперничества не решает. Естественное в таких обстоятельствах желание всё же не отказываться от политики силы, но делать её менее опасной для себя, вело к перенесению противоборства на более низкие и не столь опасные уровни, каким в 1963–1964 гг. становился Вьетнам. Но и во Вьетнаме успех отнюдь не сопутствовал Соединённым Штатам, и вопрос об уместности политики силы продолжал оставаться открытым. Злобность и истеричность тех в США, кто организовал и осуществил убийство братьев Кеннеди, с этой точки зрения можно понять: возникало пока ещё весьма смутное, но, тем не менее, твёрдое ощущение, что, начав «холодную войну» с СССР (никто из серьёзных политиков не отрицал ответственности американцев за развязывание этой войны), Соединённые Штаты сделали сомнительный стратегический выбор. Не военная

сила и не стремление к военной победе определяли возможность выигрыша США в соперничестве с коммунизмом, а нечто совсем другое – «мягкая сила».

Именно в тот период, в 1966 г., была опубликована очень честная, своевременная и нужная американцам книга сенатора Дж. Фулбрайта «Самонадеянность силы» [7]. Сенатор Фулбрайт, многолетний председатель сенатского Комитета по иностранным делам, знал, о чём писал. Он относился к той группе американских лидеров, которые считали, что США располагали всеми возможностями победить в соревновании с коммунизмом: богатством, влиянием, свободой своей системы, её привлекательностью и многим другим, в связи с чем им не было нужды следовать по пути милитаризованных до зубов вооружённых режимов Старого Света. Да и вообще, ставка на силу, особенно военную, в условиях существования оружия массового поражения у обеих сторон была величайшей ошибкой. По его убеждению, те, кто толкнул Соединённые Штаты на путь военного соперничества (а в первую очередь он имел в виду недалёкого и в чём-то провинциального президента Г. Трумэна), оказали дурную услугу стране. Путь силы в борьбе с СССР вёл в тупик.

Можно себе представить, с каким злобным негодованием откликнулись на эту книгу все те в США, кто строил своё благополучие и карьеру на военных расходах и военно-технических разработках. Ведь писал эту книгу не какой-нибудь «безответственный» университетский профессор, которого можно было просто проигнорировать. Писал человек, хорошо знающий американский политический процесс, особенно формирование и осуществление внешней политики, и к его мнению прислушивались многие. Тем более, что вышла в свет эта книга тогда, когда Советский Союз убедительно продемонстрировал способность нанести Америке смертельный удар и доказал, что на пути военного соперничества его не одолеть. Книга Дж. Фулбрайта осталась весьма заметной вехой в развитии внешнеполитической мысли в США и до сих пор не утратила своего значения.

Споры между сторонниками силовой политики и её противниками, практически всегда сопровождавшие дебаты в США по общим вопросам внешней политики, не утихают. Уже на нынешнем этапе, в годы президентства Дж. Буша-мл. (2001–2008 гг.) и Б. Обамы (первый срок – 2009–2012 гг., второй – с 2013 г.) эти споры вновь вспыхнули с прежней силой, хотя речь уже не шла о стратегии соперничества с другой сверхдержавой. Поддавшись соблазну найти решение некоторых своих внешнеполитических проблем с помощью силы, президент Дж. Буш-мл. инициировал военные действия в Афганистане (2001 г.) и Ираке (2002 г.). И там и там Соединённые Штаты, несмотря на свою колоссальную военную мощь, политического успеха не добились, что поставило под сомнение их способность управлять локальными и региональными конфликтами. Президенту Б. Обаме пришлось разгребать грязь, оставленную предыдущей администрацией, и вновь уходить от ответа на прямой вопрос: «Зачем Соединённым Штатам военная сила, если она уже давно фактически не приносит политических дивидендов»? Ответа на этот вопрос в США пока ещё никто из ответственных лиц не дал.

Книга Дж. Фулбрайта заставила американцев внедрить неизмеримо более глубокий научный анализ проблем поведения страны в борьбе с Советским

Союзом, в которой, с одной стороны, было опасно и рискованно применять силу, а с другой – надо было добиваться торжества американских ценностей. Этот анализ не мог не оказать определённого влияния на разработку процедур подготовки и принятия решений по внешнеполитическим вопросам в администрации президента США в последующие годы [12]. Во многом этому содействовал Г. Киссинджер, который в 1969 г. стал помощником президента Р. Никсона (1969–1974 гг.) по национальной безопасности и существенно перекроил всю систему подготовки и принятия решений в этой области.

До перехода на госслужбу Г. Киссинджер был профессором Гарвардского университета, где, видимо, познакомился с некоторыми смежными дисциплинами, в частности, из управления бизнесом, которые помогли ему лучше организовать работу Совета национальной безопасности. Он испытал на себе влияние академической культуры Гарварда, в которой изучение процессов принятия решений тесно увязывалось с принципами разумности и целесообразности деловой и политической деятельности. Став помощником президента, Киссинджер помог ему сформулировать известную «доктрину Никсона», с помощью которой США решали «квадратуру круга» в области внешней политики в начале 1970-х годов: вышли из проигранной ими войны во Вьетнаме и при этом не допустили заметного ослабления своих мировых позиций, а даже в чём-то их укрепили [17].

О «доктрине Никсона» много написано и в американской, и в русскоязычной литературе [2]. В большинстве случаев авторы этих работ обращали внимание на одну сторону этой доктрины – на поиски решения проблемы обещанного Р. Никсоном в ходе предвыборной кампании выхода из войны во Вьетнаме (к моменту появления первого документа доктрины в 1970 г. решение о выходе из этой войны уже было принято). Более отстранённый взгляд на «доктрину Никсона» позволяет увидеть в ней и другие аспекты, сыгравшие большую роль в дальнейшей эволюции внешней политики США, в частности, реформирование всей стратегии их поведения в отношениях с Советским Союзом.

Доктрина исходила из констатации трёх основных положений: «силы», «партнёрства» и «переговоров». «Сила» означала сохранение мировой роли США как ядерной сверхдержавы, способной противостоять СССР и всему «мировому коммунизму», в том числе Китаю. Этот аспект, несмотря на его спорность, пересмотру не подлежал. «Партнёрство» означало намерение поощрять рост самостоятельной мировой роли союзников США, но не в качестве конкурентов, а, наоборот, в качестве дополнения американского могущества. От этого, кстати, пошло интенсивное развитие европейской интеграции и рост международной роли Японии. Что же касается «переговоров», то речь шла о внедрении в обиход отношений с коммунистическими странами, прежде всего СССР и Китаем, наряду с продолжением гонки вооружений, интенсивного процесса переговоров по ограничению опасности случайной ядерной войны, контролю над гонкой вооружений, по разработке своеобразного «кодекса поведения», который минимизировал бы опасность иррационального поведения в кризисных ситуациях. В случае с Китаем это означало и продолжение самого широкого сотрудничества в экономической и технической областях (аналогич-

ные возможности в отношениях с СССР были блокированы принятой Конгрессом США в 1974 г. «поправкой Джексона – Вэника»).

Если на ранних стадиях «холодной войны» в стратегии США доминировала ставка на первый обезоруживающий удар ядерными средствами (конец 1940-х и начало 1950-х годов), а после этого – на удар по вооружённым силам противника, его промышленным объектам и центрам управления («массированное возмездие» второй половины 1950-х годов), то с внедрением «доктрины Никсона» стратегия поведения США в конфликте с СССР существенно менялась. Речь не шла об отказе от возможности применения силы, но вместе с тем предусматривались меры по ограничению риска ядерного удара по территории США, возможность сотрудничества с Советским Союзом и Китаем в вопросах, представлявших общий интерес: безопасность, развитие, окружающая среда. Реализация этого направления во внешней политике США в период администрации Никсона сопровождалась активными переговорами, достижением соглашений в области контроля над вооружениями [5].

Безусловно, это не снимало с повестки дня вопроса о военном соперничестве между двумя системами и их сторонниками в «третьем мире». Вопрос о перспективах борьбы за победу каждой из сторон продолжал оставаться во главе угла. Но при этом лидеры СССР и США уже отошли от крайних радикальных позиций в области подготовки к конфликту и начали менять свои взгляды на соперничество в более «миролюбивую» сторону, не отрицая возможности и даже необходимости сотрудничества. В частности, американская сторона рассчитывала на косвенную помощь СССР при выходе США из войны во Вьетнаме в начале 1970-х годов. Для советской стороны на том этапе было важно договориться с США о неразвёртывании противоракетной обороны. Такова оказалась эволюция отношений обеих сторон в тот период, для которого характерны уже первые признаки «партнёрства», иными словами – когда конфликт начинает испытывать определённую трансформацию. Т. Шеллинг практически ничего не писал об этой возможности, и поэтому в дальнейшей эволюции «холодной войны» обнаружились теоретические элементы новизны.

Список литературы

1. Безопасность для всех: программа разоружения. Доклад независимой комиссии по вопросам разоружения и безопасности под председательством Улофа Пальме. М: Прогресс, 1982. 288 с.
2. Доктрина Никсона / Под ред. Ю.П. Давыдова, В.В. Журкина, В.С. Руднева. М: Наука, 1972. 232 с.
3. *Кеннан Дж.* Дипломатия Второй мировой войны глазами американского посла в СССР. М: Центрополиграф, 2002. 480 с.
4. *Самуйлов С.М.* Внешнеполитический механизм США. Основы и современное реформирование. М: ИСКРАН, 2013.
5. *Трофименко Г.А.* США: политика, война, идеология. М: Мысль, 1976. 359 с.
6. *Уткин А.И.* Мировая холодная война. М: Алгоритм, 2005. 712 с
7. *Фулбрайт Дж.* Самонадеянность силы. М: Международные отношения, 1967. 256 с.
8. *Черняев А.С.* Избранное. М: Собрание, 2011. 560 с.

9. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // Сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса. М: Политиздат. Изд. 2-е. Т. 21.
10. *Acheson D.* Present at the Creation: My Years in the State Department. New York: W.W. Norton and Co, 1969. 816 p.
11. *Axelrod R.* The Evolution of Cooperation. New York: Basic Books, 1984. 264 p.
12. *Destler L.M.* Presidents, Bureaucrats, and Foreign Policy. The Politics of Organizational Reform. Princeton (New Jersey): Princeton University Press, 1972. 355 p.
13. *Huntington S.* The Clash of Civilizations // Foreign Affairs. Summer 1993.
14. *Kahn H.* On Escalation: Metaphors and Scenarios. New York: Praeger, 1965. 326 p.
15. *Kanet R., Kolodziej E.* The Cold War as Cooperation: Superpower Cooperation in Regional Conflict Management. London: Macmillan, 1991. 384 p.
16. *Kennan G.F.* Containment: 40 Years Later // Foreign Affairs. Spring 1987.
17. *Kissinger H.* American Foreign Policy: Three Essays. New York: W.W. Norton and Co, 1969. 134 p.
18. *Nye J.* Soft Power. The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs, 2005. 191 p.
19. *Rapoport A.* Fights, Games, and Debates. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1960. 416 p.
20. *Schelling T.C.* Strategy in Conflict. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1960. 328 p.
21. U.S. – Soviet Security Cooperation: Achievements, Failures, Lessons / Ed. by A. George, Ph. Farley, A. Dallin. New York: Oxford University Press, 1988. 768 p.
22. «X». The Sources of Soviet Conduct // Foreign Affairs. July 1947.

(Окончание следует)